

СЕВЕРСК. О подлинной любви и малодушии

Шесть лет назад, заявив о себе успешной постановкой пьесы «Ночь Святого Валентина» в Томском ТЮЗе, режиссер Александр Загораев прочно вошел в театральную историю Томской области. В Томске и закрытом атомграде Северске им создано почти 20 разных по жанру спектаклей. С начала нынешнего сезона **Александр Загораев** стал художественным руководителем **Северского театра для детей и юношества**, а первой работой уже в новом качестве — «Сотворившая чудо» **Уильяма Гибсона**.

Эта пьеса, написанная в 1959 году и удостоенная престижной премии «Тони», обошедшая театральные подмостки (а ее киноверсия — экраны) всего мира, как оказалось, не потеряла своей актуальности и сегодня. Напомним, что в основе сюжета — история слепоглухонемой девочки Хелен Келлер и ее несчастных родителей, которые не знают, как воспитывать

«особенного» ребенка, из жалости потакают ей во всем и тем самым превращают в маленького семейного деспота. И только появление в доме учительницы Энн Салливан с ее требовательной настойчивостью, жесткой последовательностью дарят Хелен возможность контактировать и понимать окружающих ее людей, «говорить» с ними на особом языке, делиться радостями и печалью, жить, насколько это возможно в ее состоянии, полноценной жизнью.

Впрочем, режиссер-постановщик дает зрителю понять, что смысл этого произведения гораздо глубже очерченного сюжета и конкретной истории. Его «экспансия разума» (так Александр Загораев определил жанр своей постановки) не только о том, что же такое настоящая любовь к «особенному» ребенку: жалость и потворство или терпение и созидание? Смысл постановки можно трактовать еще шире: готовы ли

Хелен — Л. Девяшина





Энн — Н. Гитлиц, Хелен — Л. Девяшина

мы расходувать свои силы, свое терпение и время во благо другого или предпочитаем собственное спокойствие и комфорт?

— Я попытался поговорить со зрителем о борьбе настоящей любви с малодушием, когда из жалости мы недостаточно настойчивы, недостаточно зрячи и недостаточно слышим других, — поясняет замысел своей постановки Александр Загораев.

Спектакль решен сразу в двух плоскостях: метафорической и реалистической, бытовой. Первая наглядно проявляется в сценографии (художник-постановщик **Леонид Пантин**). На сцене полупрозрачные конструкции из оргстекла, напоминающие раздвижные ширмы. То и дело приводимые в движение, они олицетворяют преграду, непонимание, которые стоят между слепоглухонемой девочкой и окружающими ее людьми. Они же, раздвигаясь, символизируют «экспансию разума» Хелен, проводимую Энн, а в одной из сцен — это стеклянная «ловушка», в которую попадает Энн, уже почти добившаяся чуда, и вынужденная по требованию родителей девочки прекратить обучение...

Большую роль играет световое решение. Благодаря работе художника по свету **Наталии Гара**, на сцене возникает то реальный мир, то мир теней, едва уловимых силуэтов (в зависимости от местоположения персонажа — за стеклом или перед ним). На протяжении всего спектакля параллельно с основным сценическим действием на экране ненавязчиво мелькают, как вспышки «воспоминаний», кадры из истории жизни учительницы Энн Салливан: ее обучение в школе для слепых, потеря ею брата и другие факты биографии...

К сожалению, интересный сам по себе режиссерский ход, на наш взгляд, остается непонятным для большинства зрителей, не знакомых с содержанием пьесы Гибсона. И «экранная» история в результате существует автономно, не несет необходимой смысловой нагрузки. Интересно, что костюмы всех героев спектакля решены в одних и тех же тонах — фиолетовых и светло-лиловых. Как поясняет режиссер, фиолетовый — это последний цветовой спектр, который остается в памяти человека, потерявшего зрение. Вот именно



Сцена из спектакля

таким запомнила окружающий мир ослепнувшая в раннем детстве Хелен.

На этом метафорическом, полном смыслов фоне разворачивается вполне бытовая человеческая трагедия семьи Келлеров. Отчаявшиеся родители, пытаясь скрасить существование своего несчастного ребенка, сами того не осознавая, делают из нее монстра, домашнего мучителя. Ей дозволено все: истерики, пренебрежение этикетом за столом (уже довольно взрослая девочка поочередно «дегустирует» еду из тарелок домашних и салфеток). Она ревнива и по-настоящему опасна: в одной из сцен переворачивает колыбель с новорожденной сестренкой, и только вовремя подросшие взрослые спасают малышку от травмы. Исполнительница Хелен — начинающая актриса **Лана Девяшина** (это ее дебют в театре) — довольно реалистично передает пластику ребенка-инвалида, ей удается подчеркнуть именно животное в сво-

ей героине в начале действия. Глядя на нее, испытываешь одновременно и жалость и раздражение.

Хорошо передана унылая атмосфера дома Келлеров. Угасшая, с избытком сердцем мать (**Жанна Морозова**), чья любовь разрывается между «нормальным» и «ненормальным» ребенком, опустивший руки и мечтающий только о том, чтобы его оставили в покое отец (**Евгений Казаков**), сострадательная и пассивная в своей жалости тетя (**Галина Степанова**), добрая и горячо привязанная к девочке и всему семейству служанка (**Любовь Усольцева**) — все они живут как бы во сне, надеясь и не надеясь, веря и не веря.

Сводный брат Хелен Джеймс (**Денис Иванищев**) всеми силами старается вернуть внимание и любовь отца, которые он утратил после рождения, а потом и болезни Хелен. Он выступает в роли резонера, который, к всеобщей досаде, произносит горькие, но в общем-то

правдивые вещи о том, что действительно происходит в семье Келлеров. Но это ничего не меняет — отношения отца и сына также слепы и глухи, несмотря на то, что это зрячие люди. Таким образом, акцент спектакля перемещается с проблем медицинской и психологической к теме философской: одиночество среди близких, душевная глухота и слепота.

Последняя соломинка Келлеров — пока не знакомая им учительница Энн Салливан (**Наталья Гитлиц**), которая должна приехать, чтобы вынести окончательный приговор: можно ли помочь несчастному ребенку или необходимо смириться? Ее приход меняет тональность спектакля. Он становится динамичнее, набирает скорость, в нем появляется больше событий. В отличие от уже знакомых нам героев, Энн полна жизни. Она энергична и уверена в себе (по крайней мере, внешне), не понаслышке знает, что такое слепота, и трезво оценивает положение вещей. Героиня Наталья Гитлиц словно наполняет энергетикой пространство.

Ее попытка научить воспитанницу особому языку и какому-то элементарному этикету показана, возможно, слишком подробно, слишком детально и натуралистично, но это необходимо для того,

чтобы зрители физически ощутили ее трудности, с которыми столкнулась учительница, взявшись за обучение девочки-инвалида. Мы сопереживаем и радуемся каждой удаче Хелен и Энн и огорчаемся, когда процесс воспитания дает сбой.

Если в спектакле есть нерв, то это Энн Салливан. Ее воля, ее убеждение в правильности принятого решения, ее непреклонность постепенно меняют и других героев. Их отношение к ситуации претерпевает целую гамму изменений: от недоверия и скепсиса до заинтересованности, веры. В спектакле есть очень важная сцена, когда Энн просит родителей своей воспитанницы дать ей еще несколько дней, чтобы закрепить полученные результаты. Но получает отказ, и все возвращается на круги своя: мы снова видим прежнюю Хелен — дикую, агрессивную, не понимающую слова «нет». Кажется, что в этот момент весь зал испытывает сильнейшее разочарование...

Но вот финал. Пробудившийся разум Хелен, победа Энн, торжество истинной любви — требовательной и созидательной.

Татьяна ЕРМОЛИЦКАЯ

Фото Евгения СЕДЕЛЬНИКОВА

ШАХТЫ. О том, чего нет в действительности

Труппа **Шахтинского драматического театра** никогда не была поющей, а недавно, получив совсем немного уроков по вокалу (педагог **Надежда Стахурлова**), актеры запели в спектакле «**Призрак замка Кентервиль**». Режиссер **Роман Родницкий** взял к постановке пьесу **Вячеслава Вер-**

бина по новелле **Оскара Уайльда** «**Кентервильское привидение**».

Композитор **Владимир Баскин** предлагал театрам свое произведение как мюзикл, хотя оно вряд ли в полной мере этому жанру соответствует: ни музыкальной драматургии, ни музыкальной характеристики персонажей здесь нет.